

SOPHIE BARNES

*Lady Sarah's
Sinful Desires*

A NOVEL

СОФИ БАРНС

*Трешные
желания Сары*

РОМАН

Благодарности

Писательство — это постоянный процесс обучения, странствия воображения, и по этой причине порой бывают заминки, когда я подолгу обдумываю тот или иной момент, а иногда и вовсе захожу в тупик. К счастью, я работаю с коллективом неординарных людей, которые всегда помогают мне обрести твердую почву под ногами, указывают правильное направление или дают необходимый толчок. Все они вместе и каждый по отдельности заслуживают моей глубочайшей признательности и благодарности, поскольку, когда всё уже сказано и сделано, книга становится результатом работы не одного человека, а многих.

Хочу поблагодарить моего замечательного редактора Эрику Цанг и ее помощника Челси Эммельхайнц за невероятную готовность прийти на помощь и за легкость в общении. Работа с вами была настоящим удовольствием!

Также хочу поблагодарить и остальных членов коллектива Avon Books, включающего (но не исчерпывающегося этими людьми) литературного редактора Джуди Майерс, специалистов по печати Пэм Спенглер-Джэффи, Джесси Эдвардс, Кэролайн Перни и Эмили Хомонофф, старшего директора по маркетингу Шона Николлза. От них я получала поддержку и советы всякий раз, когда нуждалась в этом. Моя искренняя благодарность вам за то, что вы такие замечательные!

Еще один человек, которого я должна поблагодарить за его талант, — художник Джеймс Гриффин, создавший потрясающую

обложку к этой книге¹. В обложке он смог воплотить не только дух произведения, но и то, как я себе представляла внешность героев. Вы великолепно выполнили свою работу!

Читателей моей рукописи Коди Гэри, Мэри Чен, Сириэн Хэлфорд, Марлу Голлэдей и Кэтти Най, чья проницательность сослужила мне прекрасную службу, я благодарю от всего сердца!

Также хочу поблагодарить Нэнси Мэйер за оказанное содействие. Каждый вопрос, касающийся эпохи Регентства, на который найти ответ самостоятельно мне не удавалось, я адресовала Нэнси. Ее помощь неоценима.

Мои родные и друзья тоже заслуживают моей благодарности, особенно за то, что напоминали мне о необходимости иногда делать перерыв, отходить от компьютера и просто отдыхать. Без вас я бы пропала.

И тебе, дорогой читатель, я бесконечно благодарна за потраченное на прочтение этой истории время. Твою поддержку, как и всегда, я высоко ценю!

¹ Имеется в виду обложка к англоязычному варианту романа. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Несмотря на страх перед грядущим, я не вижу для себя иного выбора, кроме действия, и к этому меня вынуждают требования нравственности и чести, а единственным утешением для меня является лишь то, что в этой битве я буду не один. Насколько велики мои возможности повлиять на исход дела, пока не ясно, но я должен хотя бы попытаться.

Вы, кто в будущем станет читать эти строки, будьте уверены, что и я, и мои соратники сделали все от нас зависящее, и если мне суждено завтра умереть, то я пойду на это с чистой совестью.

*Из дневника третьего графа Данкастера,
1792 год.*

Глава 1

В карете

по пути в поместье Торнклифф,

1820 год

— Как по-вашему, мы скоро приедем? — нетерпеливо спросила Рэйчел. — Перед отъездом от последней почтовой станции мама уверяла меня, что дорога займет не больше пары часов, но, если быть точной, с тех пор прошло уже два часа семь минут.

Кристофер взглянул на младшую сестру.

— Вряд ли мама бывала раньше в ТорнклиFFE, — сказал он, имея в виду большой особняк графини Данкастер, превращенный ею в гостиницу. Ему и его семейству предстояло провести там все лето. — Так что длительность поездки она могла оценивать лишь приблизительно.

Такой ответ не удовлетворил Рэйчел:

— Жаль, что, в отличие от меня, не все понимают важность точности.

— Повариха понимает, — снисходительно сказала Лора.

Кристофер обратил внимание на другую сестру, а всего их у него было пять.

— Полагаю, она осознаёт, насколько важна точность. Ведь нет ничего хуже, чем лишняя мука в пироге.

— Тебе обязательно было подзуживать ее? — спросила Фиона. Будучи самой младшей в семействе Хартли, она не обладала сдержанностью, присущей остальным.

Кристофер помрачнел, а просиявшая Рэйчел с радостью ухватилась за слова Лоры:

— Известно, что жизнь стала бы несносной без математических расчетов. Здания рухнули бы на землю, тесто не подходило

бы, а наша одежда стала бы неудобной... Да что там, можно до бесконечности говорить о том, как на всех нас сказалось бы отсутствие научного подхода.

— А нужно ли? — спросила Фиона с затаенным испугом в голосе.

— Почему бы нам не поговорить о великолепии того места, куда мы направляемся? — предложил Кристофер.

Он был очень привязан к Рэйчел, но не имел ни малейшего желания подвергнуться испытанию пространной лекцией по евклидовой геометрии или, боже упаси, о жизнедеятельности улиток, изучением которых сестренка с недавних пор увлекалась.

— Говорят, Торнклифф роскошен. Третий граф Данкастер явно не жалел средств на его благоустройство, — сказала Лора, прежде чем Рэйчел успела высказаться на сей счет. — Леди Харриэт, моя подруга, была там со своей семьей прошлым летом, и она утверждает, что в поместье мы не испытываем недостатка в развлечениях все три месяца пребывания там.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — тут же отозвалась Фиона, глаза которой горели, — ведь я собираюсь с пользой провести там время. Я намерена отыскать ларец с драгоценностями, о котором нам рассказывала бабушка, когда мы были маленькими.

— О чем это ты? — уставился на нее Кристофер.

— Неужели не помнишь? Она же много раз говорила, что в эпоху Революции ее родня из Франции отослала семейные драгоценности в Англию, чтобы они не попали в чужие руки. Кроме этих ценностей у бабушки ничего не осталось от родственников, а их всех подвергли казни на гильотине, но по неизвестным причинам ларец с сокровищами так и не прибыл. Я уверена, что драгоценности спрятаны где-то в Торнклиффе. Учитывая тесную дружбу бабушки с лордом Данкастером, я...

— Теперь, когда ты об этом сказала, я припоминаю, что она говорила что-то в этом роде, но я никогда не воспринимала ее слова всерьез, — промолвила Лора. — Ты же помнишь, как глубоко бабушка переживала потерю родственников. Ее рас-

сказы о драгоценностях я всегда воспринимала как последнюю надежду бабули на то, что кто-то из них уцелел и в конце концов объявится.

— Но она особо упоминала письмо, полученное из Франции от ее сестры, герцогини Марвилль, в котором та сообщала, что ларец отослан в Англию и она сделала все необходимое, чтобы его доставили бабушке, а уж ей следует его ожидать.

— У тебя поразительная память, — заметила Рэйчел. — Но, думаю, нам нужно примириться с мыслью, что драгоценности остались во Франции, как это ни прискорбно.

— Однако в своем дневнике, — не сдавалась Фиона, — бабушка писала о посещении дедушкой Торнклиффа незадолго до его смерти. Там говорится, что она молилась о том, чтобы ее муж поскорее вернулся *с ларцом*.

— И все же она его не получила, — возразил Кристофер.

— Нет, не получила, — вздохнула Фиона. — Дедушка отправился во Францию вместе с третьим лордом Данкастером, но по пути их корабль затонул и они погибли. — Она снова печально вздохнула, однако твердая решительность по-прежнему горела в ее взгляде. — Не исключено, что ларец с драгоценностями все еще в Торнклиффе, а если так — я непременно его отыщу. Можете в этом не сомневаться.

У Кристофера даже не возникало сомнений на сей счет. Уж чего-чего, а упрямства его сестре было не занимать. Поэтому для него стало неожиданностью, что она вдруг перевела разговор на другую тему, сказав:

— Я все еще не могу поверить, что маме с папой удалось уговорить Ричарда поехать с нами.

Кристофер сжал пальцы в кулак.

— У него особо и выбора не было. Оукленд-Парк все лето будет наводнен рабочими, и, боюсь, им придется поторапливаться, чтобы успеть отделать весь дом в греческом стиле, как задумала мама.

— Все же, согласись, это удивительно, — сказала Лора.

Кристофер решил промолчать. Когда он размышлял о службе своего брата на благо короны, всякий раз испытывал неловкость.

Будучи старшим братом Ричарда, он всегда ощущал определенную ответственность за него, потребность его защитить. А война с Наполеоном оставила в душе Кристофера одно лишь чувство несостоятельности. Он засунул руку в карман и достал часы, чтобы узнать время. Шла вторая минута третьего. Кристофер секунду помедлил, после чего трижды провел большим пальцем по стеклу часов.

— Ты же знаешь, это бессмысленно, — сказала Рэйчел. — Успех является результатом усердного труда и здравого смысла, а не глупых ритуалов.

Хотя в ее замечании не было ничего неожиданного, у Кристофера оно вызвало раздражение.

— Я верю в удачу, Рэйчел, и если для ее достижения нужно исполнить кое-какие странные действия, то так тому и быть.

Слегка раскачиваясь, карета катилась вперед. С намерением насладиться этим приятным ритмом Кристофер отвернулся, радуясь тому, что сестра воздержалась от дальнейших комментариев. Все дело в том, что склонность к суевериям смущала и его самого, поскольку противоречила логике и здравому смыслу. И все же виконта не покидало предчувствие, будто что-то ужасное неизбежно произойдет, если не принять определенных мер для его предотвращения. Мужчина вздохнул. Ощущение стало еще более сильным после того, как карета проехала мимо дерева, на ветвях которого сидели две вороны.

...Это было в 1815-м. В том году он испытал разочарование из-за неудачной любви, к тому же французы захватили в плен его брата.

Неожиданный вопрос заставил Кристофера стряхнуть задумчивость.

— Как считаете, Хлоя когда-нибудь снова выйдет замуж? — спросила Лора, имея в виду их овдовевшую сестру.

— Судя по всему, вряд ли, — проворчала Рэйчел.

Кристоферу вдруг пришло на ум, что Рэйчел была бы милее, если бы не стягивала так туго волосы на затылке. Сестрам, мягкие локоны которых красиво обрамляли лица, следовало бы подсказать ей это, но Кристофер знал — подобный

разговор ни к чему, кроме спора, не приведет. Рэйчел была чрезвычайно упряма в некоторых вещах, и это совсем не способствовало ее замужеству.

— Хорошо, что ее муж погиб на дуэли, а то я сама прикончила бы его, — заявила Фиона.

Кристофер нахмурился, не зная, гордиться кровожадностью своей сестры или опасаться ее. Черт побери, он и сам хотел бы иметь возможность вызвать покойного лорда Ньюбери на поединок, после того как его многочисленные интрижки выплыли наружу. Но, в конце концов, о наказании мужа сестры позаботился несчастный супруг последней пассии Ньюбери.

— Будем надеяться, что если она и выйдет снова замуж, то за достойного человека, — сказал он.

— Возможно, в Торнклиффе она встретит подходящего джентльмена! — вспыхнула надеждой Лора. Она подалась вперед, пристально глядя на брата. — Может, там даже найдется молодая леди и для...

— Я бы на твоем месте не стал договаривать до конца, — предостерег ее Кристофер.

— Совсем не обязательно быть таким обидчивым, — чопорно ответила Лора, выпрямив спину и подняв подбородок. — Я забочусь только о твоем благе.

Кристофер простонал. То же самое он слышал и от матери с отцом. Причем постоянно. Именно поэтому он не пожелал ехать с ними в Торнклифф в одной карете. Шесть часов выслушивать, как они по очереди будут предлагать ему возможных невест, было бы выше его сил. Понятно, что ему, старшему сыну и наследнику титула Оукленд, в конце концов придется жениться. Ему просто хотелось бы немного повременить, может, провести еще один сезон¹, наслаждаясь радостями холостяцкого состояния в объятиях той оперной певички, на которую он положил глаз. И, уж конечно, он не имел желания повторять ошибку, совершенную им пять лет назад.

¹ Лондонский сезон — период с мая по август, в течение которого высший свет Англии предается различным развлечениям в Лондоне.

Примечания автора

Исследование — это неизменно захватывающая часть процесса написания книги, поэтому для тех из вас, кому интересно, я включила немного дополнительной информации, связанной с некоторыми исторически достоверными событиями, упоминающимися в романе. Так, например, первый в Англии полет на воздушном шаре осуществил итальянец Винсент Лунард (Vincent Lunardi) 15 сентября 1784 года. Джеймс Сэдлер (James Sadler), упомянутый мною в книге, был воздухоплавателем в эпоху Регентства. Свою первую попытку он совершил вскоре после Лунард 4 октября 1784 года, но после ряда успешных полетов был совершенно подавлен гибелью сына, Уиндэма Сэдлера (Windham Sadler), которая произошла во время неудачного полета на шаре в 1924 году.

Доктор Хилл (Doctor Hill), о котором говорил лорд Спенсер во время карточной игры с Денисоном, леди Данкастер и Сарой, — медик XVIII века, первым указал на вред вдыхания нюхательного табака. В 1761 он опубликовал исследование «Предостережение против неумеренного употребления нюхательного табака», где, в частности, говорится: «Нюхательный табак своими раздражающими свойствами способен вызывать в тех частях тела, с которыми он непосредственно или случайно соприкасается, опухоли и выделения, что в некоторых случаях требует радикального вмешательства хирурга для их удаления. Другие случаи, когда оно невозможно, приводят к смертельному исходу...» Но, поскольку вред от табакокурения еще не был известен в 1820 году, леди Данкастер спокойно наслаждалась

своей сигарой до тех пор, пока мачеха Сары не подняла шумиху по поводу общественных приличий.

И на закуску, раз уж я сообщила об умении Спенсера заставить камень двадцать пять раз отскочить от поверхности воды, а кто-то из вас может счесть это невероятным, скажу, что текущий рекорд составляет поражающий воображение пятьдесят один отскок, его установил Расселл Байерс (Russel Byars) 19 июля 2007 г. Видеозапись этого впечатляющего достижения можно найти на YouTube.